DOI 10.24249/2309-9917-2026-79-5-117-127

М.М. Громова (Москва, Россия)

О Лидии Чарской. Библиография (к 150-летию со дня рождения). Часть 10

M.M. Gromova (Moscow, Russia)

About Lydia Charskaya. Bibliography (on the 150th anniversary of her birth). Part 10

1916

–. Бесплатная народная библиотека в 1915 году // Сибирская жизнь. 1916. № 54. 9 марта. С. 3.

«С осторожностью, с теми же оговорками следует подходить и к статистике о “наиболее спрашиваемых” авторах.

Вниманием детей пользовались, в нисходящем порядке: Лукашевич, Жюль-Верн, Майн Рид, Авенариус, Чарская, Купер, Вальт. Скотт и т.д. Гоголь, Пушкин и Диккенс стоят на последнем месте.»

Абрамова В. **Лидия Чарская. Игорь и Милица (Соколята) // Что и как читать детям. 1916. № 5–6. С. 172–173.**

[*Автор не указан*]. Кино-хроника // Рампа и жизнь. 1916. № 24. С. 14.

«В числе новых постановок, намеченных “Русской золотой серией”, следует отметить инсценировку романа Гвидо-де-Верона “Жизнь начинается завтра” и **“Виновна, но…”** по роману Лидии Чарской.»

[*Автор не указан*]. По поводу одного шаблонного упрека. Письмо в редакцию книжного продавца // Известия Вольфа. 1916. № 1. С. 20–23.

«<…> Обвиняют продавцов некоторых магазинов в том, что они будто бы содействуют распространению Чарской. Это обвинение столь же неосновательно, как и многие другие, – продавец тут положительно не причем(sic!). Чарскую сами дети требуют, т. е. заставляют своих родных ее требовать, и уже в продолжение пятнадцати лет юные читатели сами рекомендуют друг другу различные произведения Чарской. По отношению к сочинениям Чарской – рекомендация со стороны продавцов является излишней. Сочинения этой писательницы принадлежат к тем “ходким” книгам, которые без всяких рекомендаций раскупаются в тысячах экземпляров, в особенности те из них, которые рекомендованы и одобрены разными учеными комитетами, критиками и пр. <…>» (стб. 21).

[*Автор не указан*]. Рецензия на новые детские книги. Отдела Детского Чтения Комиссии по организации домашнего чтения при Учебн. Отд. М. О. Р. Т. Зн. // Новости детской литературы. 1916. № 2. С. 19–27.

Рецензия на повесть **«Люсина жизнь»** (изд-во Сытина, 1915): «Еще одна повесть г-жи Чарской. Автором обработан, как видно из предисловия, дневник ее знакомой Люси. Канва пове-

сти – домашняя обстановка, семейные отношения, столкновения между детьми и взрослыми. Главное действующее лицо – Люся, – правдивая, живая девочка, и ее родные – с одной стороны и семья графа – с другой. Повесть начинается ранними воспоминаниями маленькой Люси. С первых же страниц читатель становится свидетелем необычайных захватывающих событий. Люся, например, вообразив, что проглотила иглу, спешит съесть шоколадную конфету, чтобы клейкая, мягкая масса, облепив иглу, предохранила бы от уколов – приемы, невероятные для трехлетней девочки. Эта же Люся, недовольная приездом новой некрасивой гувернантки, уходит из дому, сталкивается с бешеной собакой, но подоспевший Филат – любимая собака Люси, – спасает се. Филата застрелили. Девочка заболевает нервной горячкой. Но вот приезжает из-за границы в свое именье старый, окруженный, неизвестно за что, ореолом благородства, граф с семьей. Люся с отцом и теткой (матери у нее нет) едет с визитом к графу и знакомится с детьми. Тут и маленькая красавица – избалованная Ани, которую Люся начинает боготворить, тут и милый добрый Этьен – старший сын графа – будущий заступник Люси, и прочие положительные и отрицательные детские типы. И здесь опять приключение. Дети едут кататься по озеру, Люся перегибается за цветком, лодка опрокидывается… садовник спасает всех; в доме переполох. Испуганная виновница за обедом от волненья не ест пирожного, но, как и нужно было ожидать, после обеда, когда все разошлись, добрый Этьен утешает ее и приносит остатки пирожного. А когда граф с Аней приезжает в дом Люси, девочки без спроса убегают в лес; начинается страшная гроза с ливнем; девочки промокли до костей и спасает их старушка – мать лесника, которую дети приняли за ведьму. Далее идет описание учебных дней Люси в доме графа вместе с его детьми; занятия с разными учителями под надзором сухой англичанки и милой Гани – Люсиной гувернантки. Но и тут не без приделок. Люся, например, заказывает по разным лавкам от имени графа всевозможные продукты в виде дров, водки, и т. п. Все заказанное привозится в именье. Впрочем, шалунья Люся скоро искупает свою вину добрыми поступками – отдает свои деньги и отказывается от елки ради бедной семьи.

На несколько лет дети расстаются (семья графа уезжает за границу). В конце повести читатель видит всех детей уже взрослыми – это не детская часть повести. Тут опять красавица гордая Ани с проявлениями тонкого кокетства, умный, серьезный, уже с усиками, Этьен… Читатель, конечно, догадывается, что Этьен и Люся любят друг друга, но небогатая, без связей, невеста испортит карьеру будущего дипломата, и старый граф упрашивает Люсю отказаться от этого брака. Люся уступает… счастье ее и Этьена разбито. Переживает драму и тетя Муся, жених которой – сосед помещик – погибает на охоте в борьбе с медведем. (Медведей Чарская вообще любит). Однако, в то время, как тетя Муся ищет утешенья за монастырскими стенами, Люся находит выход в общественной работе – начинает учить деревенских детей.

Автор, по-видимому, хотел поставить перед читателями ряд крупных вопросов. Но и тут, как всегда, обычная манера Чарской – бить на эффект, на внешность, сказались. Только здесь мы замечаем у автора неудачные попытки останавливаться подольше, осветить разные моменты повести. Однако, это излишнее разжевывание мелких случаев и комканье крупных вопросов только сильно растянуло повесть, а образы по-прежнему остались и тусклыми и надуманными. Читается повесть, в силу этого, не легко, да это и к лучшему –нет, по крайней мере, той удочки, на которую так охотно идут неокрепшие читатели. Повесть эта, как и предыдущие, является не только ненужным, но и вредным балластом. Зачем, в самом деле, детям, быть может, впервые встречаться с глубокими вопросами в этой именно повести с ее поверхностным внешним освещением? Почему юный читатель должен будет знакомиться с самопожертвованием (отказом от личного счастья) по таким убогим лубочным образцам, когда он в свое время воспримет прекрасный высокохудожественный образ подобного же самопожертвования в лице Сони из “Войны и мира”?

Рисунки как нельзя лучше подходят к книге. Достаточно просмотреть их, не читая даже книги, чтобы создать полное представление о характере самой повести» (с. 20–21).

[*Автор не указан*]. Школьная газета // Сибирская жизнь. 1916. № 244. 10 нояб. С. 3.

О еженедельной газете киевских школьников «Голос средней школы», выходившей с октября 1916 г. Цитата из статьи Иванчикова в «Нижегородском листке»[1]: *«В Харькове “молодежь интересуется только гимназией, артистами и флиртом”; особенно это относится к женской половине молодежи: в 7 классе нашей гимназии большая часть учениц не прочла еще Тургенева, Гончарова, а между тем все они почти наизусть знают Чарскую, Вербицкую и т. п. авторов. Мальчики хоть пытаются что-нибудь сделать (хотя у них ничего не выходит) – издают сборники, журналы, составляют кружки, а девушки, даже взрослые, не интересуются абсолютно ничем”…»*

[1] Более точные данные не приведены.

Ближайший репертуар РУССКОЙ ЗОЛОТОЙ СЕРИИ [Анонсы кинофильмов одноименного киноателье] // Рампа и жизнь. 1916. № 31. С. 16.

«Начало сезона 1916–17 г. 16-го августа. <…> **ВИНОВНА, НО…** По нашумевшему роману Лидии Чарской.»

Книжные и библиографические известия // Известия Вольфа. 1916. № 9–10. С. 2 обл.

«Тяжело заболела известная писательница Л.А. Чарская. Перед самою болезнью писательницею окончена новая большая повесть для юношества под заглавием **“Наташин дневник”**.»

Никонов Б. Спектакли для детей // Обозрение театров. 1916. № 3322. С. 11–12.

«Детский театр, как и детская книга, находятся у нас в состоянии неустойчивого равновесия и своим естеством невольно возбуждают вопрос: имеют ли они право на самое существование? Ведь, если г-жа Чарская пишет бочками сороковыми свои “детские” книги, или если какие-то неведомые друзья детей перекраивают для сцены русские сказки и басни Крылова, то это еще не есть основание признавать книги г-жи Чарской детской литературой, а “Царевну Лягушку” пьесой подлинного детского театра» (с. 11).

Новости литературного мира // Известия Вольфа. 1916. № 7–8. Разд. паг. Стб. 94–95.

«Л.А. Чарская закончила новую повесть для детей п.з. **“Кофульки”** – из жизни маленьких институток новейшего времени» (стб. 95).

Русская золотая серия [Анонсы кинофильмов одноименного киноателье] // Рампа и жизнь. 1916. № 22, 24. С. 4 обл.

«Готовятся к постановке: “ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН”. По А.С. Пушкину, большая художественная картина в постановке А.Н. Уральского, декорации художника В.Е. Егорова. СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Кино-иллюстрация романа С. Пшибышевского, в 3-х сериях. ИСТОРИЯ ГРЕХА. Кино-драма в 4-х частях по роману С. Жеромского. УЗУРПАТОР. Кино-иллюстрация романа Дж. Локка. **ВИНОВНА НО…** Иллюстрация романа Лидии Чарской. НАВЬИ ЧАРЫ. Инсценировка романа Ф. Сологуба. ЗЛЫЕ ДУХИ. Кино-иллюстрация ром. Е.А. Нагродской. ОТДАЙ МНЕ ЭТУ НОЧЬ!.. Сюжет, навеянный стихотворением Г. Галиной. ЧУЖАЯ ЖЕНА ИЛИ МУЖ ПОД КРОВАТЬЮ. Кино-иллюстрация ром. Ф.М. Достоевского.»

Саввин Н.А. Детская литература и журналистика в 1915 году. Продолжение // Педагогический листок. 1916. № 2. С. 95–119.

В разделе «Средний возраст»: «Л. Чарская. **“Бичо-Джан”** (изд. Вольф. Ц. 2 руб. 50 коп.). Новое произведение знаменитой писательницы – того же стиля и характера, что и прежние ее вещи. Много приключений, несообразностей, внешняя интересность и в результате произведение, которое, будучи прочитано, не прибавит добрых навыков читателю…» (с. 105).

В разделе «Старший возраст»: «Л. Чарская. **“Цель достигнута”**. (Изд. Вольфа. Ц. 2 р. 50 коп.). По-видимому, повесть носит автобиографический характер, – в ней говорится про начальные шаги сценической карьеры автора. Все это могло бы быть интересно, если бы г-жа Чарская избегала писать своею обычною манерою, нервируя читателей истеричностью темы там, где можно было бы обойтись и без приподнятости изложения» (с. 108).

Саввин Н.А. Детская литература и журналистика в 1915 году. Окончание // Педагогический листок. 1916. № 3. С. 129–140.

В разделе «Детская журналистика»: «“Задушевное Слово” для младшего возраста. “Быть товарищем, собеседником, руководителем юных читателей, давать им разумное, полезное и вместе с тем разнообразное, интересное чтение, расширять круг их знаний, содействовать развитию у детей любознательности, поучительно их развлекать, освежать и оживлять работу школы и дополнять возможные пробелы домашнего и школьного образования” – так редакция определяет цели и задачи журнала. Для осуществления этой цели помещена повесть Л. Чарской **“Мадмуазель Муму”**, продолжение прошлогодней повести “Малютка Марго”. “Малютка” превратилась в мадмуазель, и совершаются с нею разнообразные приключения, оканчивающиеся благополучно для героини. Уступая веяниям времени, Л. Чарская заставляет свою героиню сталкиваться с немцами. Вообще, новое произведение популярной писательницы не прибавит лишних лавров к литературной славе г. Чарской: так слабо оно, и слабость его в целом ряде случайностей, искусственно придуманных автором» (с. 132);

«“Задушевное Слово” для детей старшего возраста. Конечно, в первую очередь большая повесть Л. Чарской **“Дели-аказ**(sic!)**”**, продолжение повести “Т-а и-та”. Героиня Глаша – отчаянная, дерзкая девочка, конечно, с добрым сердцем, один из излюбленных женских образов популярной писательницы. Много случайностей в романе, внешне эффектных положений и очень мало художественной правды. Так же, как и “Малютка Марго”, ничего нового не дает в понимании творчества Л. Чарской. Просто очередное задание на обычные для Л. Чарской темы» (с. 133).

Саввин Н.А. Опыт ежегодника детской литературы. Детская литература и журналистика за 1915 год. М.: редакция журнала «Педагогический листок», 1916. (Учительская библиотека.) 72 с.

Отзыв на повести **«Бичо-Джан»** (с. 34) и **«Цель достигнута»** (с. 37), идентичный [Саввин 1916a: 105, 108], и на повести **«Мадмуазель Муму»** (с. 53) и **«Дели-акыз»** (с. 55), идентичный [Саввин 1916b: 132, 133].

Соболев М.В. **Новые повести Л. Чарской для юношества // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. 1916. № 11. С. 475–481.**

Обзор-пересказ повестей **«Бичо-Джан»**, **«Игорь и Милица»**, **«Волшебная сказка»**, **«Т-а и-та»**, **«Генеральская дочка»**, **«Ради семьи»**, **«Тяжелым путем»**, **«Заслуженное счастье»**, **«Цель достигнута»**. «Произведения г-жи Чарской издаются и переиздаются Вольфом, Губинским, Кнебелем и др.; издатели не жалеют средств для внешнего их приукрашивания, рассчитывая с лихвою покрыть свои издержки. Действительно, эти издания ходкий товар, так как есть не мало охотников читать г-жу Чарскую, а потому позволительно задать вопросы: что она дает своим многочисленным читателям? как она воспитывает их?» (с. 475); «Уже из краткого указания содержания повестей не трудно заметить, что автор весьма разнообразен в выборе материала для своих повестей; берет его с налету и привычною рукою сочиняет по несколько повестей в течение одного года. При такой быстроте едва ли возможно вникнуть в характеры намеченных действующих лиц и подобрать ряд сцен, из которых читатели поняли бы этих лиц и объяснили их поступки; г-жа Чарская поступает проще: она навешивает своим лицам определенные ярлычки и забывает об их прочих душевных качествах; у нее эгоистка в лице невестки Ии так и остается взбалмошной эгоисткой, дядя Кико остается корыстолюбивым злодеем, Ия остается носительницей заветов матери, не говоря уже об институтках и классных дамах. Одну из рассматриваемых повестей г-жа Чарская назвала сказкой; по такой манере аттестовать своих лиц, малой правдоподобности рассказа и другие повести в значительной мере напоминают сказки; в них, как и в сказках, все заканчивается вполне благополучно и часто с выгодою для избранников автора. Так Ия получила обеспечение на всю жизнь; Надя, вернувшись в родительский дом, стала “среди реальной жизни вполне счастливой и довольной, окруженная любовью и заботою искренно преданных ей людей”; Лида поступила на казенную сцену и т. д. От такого приёма перед читателями проходит какая-то особенная жизнь (хотя события совершаются в наши дни), подкрашенная, пригнанная к намеченному исходу, хотя бы это не соответствовало реальной правде, как например было с институткой Милицей. Кроме этой фальши, повести г-жи Чарской имеют еще более серьезный недостаток: они не требуют от читателя вдумчивого отношения к пробегаемым наскоро строкам; автор услужливо обо всем докладывает, легко все объясняет, вплетает в свой рассказ эффектные сцены, длинные разговоры, благодаря которым поддерживается интерес к повести. Автор как будто не допускает мысли, что поступками людей может руководить внутреннее сознание, и спешит для объяснения перелома в их жизни придумать что-либо поразительное, даже трагическое; к указанным выше примерам Ии и Васи можно еще добавить случай с сестрою Ии, которую развращала озлобленная невестка их: она только тогда оценила среду гостей невестки, когда подвыпивший кавалер хотел ее поцеловать, а потом бросил у загородного кладбища, там посторонний человек подобрал ее и отправил в участок, где ее поместили в арестантское отделение. Насколько не строго с педагогической стороны оцениваются поступки людей, призванных служить целям писателя, ярко видно из повести “Т-а и-та”; здесь ложь и издевательство над педагогами не встречает никакого осуждения, а расписывается в привлекательных красках; даже более: самого попечителя автор заставляет лгать, чтобы объяснить появление Глаши в стенах института, как события невероятного и неправдоподобного. Вся эта неправда облечена в красивую и занимательную форму, нервирующую читателей; можно ли спокойно читать о том, как Глаша почти задохлась в сундуке, куда ее институтки спрятали от инспектрисы, получившей от служанки-доносчицы сведения о воспитаннице выпускных? можно ли не удивляться и тому, что эта доносчица молчала в те-

чение нескольких месяцев, исполнив привычное дело только тогда, когда автору понадобилось закончить свое длинное повествование?

Если повести г-жи Чарской первого периода ее писательства одобрялись педагогической критикой, то дальнейшие, как ремесленные произведения, заслуживают порицания, потому что они приучают детей к поверхностному чтению, почти без участия мысли; дают превратное понятие о действительной жизни и взаимоотношениях людей; приучают ценить эффектные подвиги выше скромной и производительной работы. Вдумчивые дети не станут увлекаться Л. Чарской, а прочих должны оберегать воспитатели, так как чтение названных повестей есть бесполезная и вредная трата дорогого времени; пусть родители не соблазняются нарядною внешностью книг и рубли, которые стремятся получить с них издатели, истратят на более ценное в педагогическом и литературном отношении» (с. 479–481).

Хроника // Известия Вольфа. 1916. № 3. С. 1–2 обл.

«В числе новых книг для детского чтения, выпускаемых к Пасхе Т-вом М.О. Вольф, находятся книги Л.А. Чарской **“Большой Король”**, **“Маленькая Королева”** и **“Необыкновенный королевич”**, с илл. худ. Гурьева» (с. 2 обл.).

1917

Зеленко В.А. Детские библиотеки / Под ред. Г.Г. Тумима. Петроград: издание Н.П. Карбасникова, 1917. 254 с.

«Для иллюстрации своих выводов привожу названия авторов и книг, наиболее часто попадающихся в детских списках. Под буквой А помещены подарки родителей… под В – подарки школы. **А**. Авенариус. Андреев… Арцыбашев. Андерсен. <…> Чарская. Шиллер. Шерлок-Холмс. Эберс. Журналы: Мир божий, Вестник знания, Задушевное слово… <…> **В**. Лукашевич (Школьные праздники). <…> Чарская. Что рассказывала мама? Светлячок. Задушевное слово. Ученик…» (с. 28–29).

П.Д. Семейный вечер в епархиальном женском училище // Олонецкие епархиальные ведомости. 1917. № 2. 15 янв. С. 33–35.

«В начале вечера было исполнено несколько №№ выразительного чтения литературных произведений русских авторов и пения гимнов и русских песен по следующей программе:

1. Стих. Е. Нечаева “Привет”. Чит. в. III кл. С. Изотова. 2. Христа Господа. Хор под управлением Ф.Ф. Чудинова. 3. Детская молитва. Чит. автор воспит. II кл. Евд. Хемеляйнен. 4. Стих. Каменского “С Новым Годом” – в. IV кл. А. Дьячкова. 5. Гимн “Коль славен”. Хор. 6. Стих. Чарской **“Плач родины”** – в. V кл. В. Ильинская. 7. Стих. “На поле брани” – в. III кл. А. Ерофеева. 8. Славься, славься. Хор. 9. Стих. в прозе В.Г. Короленка “Огоньки”. Чит. в. II кл. Хемеляйнен. 10. Все по светлице б я ходила. Хор. 11. Стих. Надсона “Полдороги” в. IV кл. В. Санькова. 12. Ах, не одна во поле дороженька. Хор. 13. Стих. Чарской **“Мать – своему ребенку”**. Чит. в. II кл. Хемеляйнен. 14. Белолица, круглолица. Хор. 15. Стих. Панова “Наша песня”. Чит. 3 воспитанн.» (с. 33) и т.д.

1918

Богомолов Б., редактор журн. «Детская коммуна». Об учреждении кафедры детской литературы в народных университетах // Грядущее. 1918. № 5. С. 6–7.

«Российская академия наук, несмотря на всю свою *грузную ученость*, на литературу для детей смотрела, как на шалости пера, бесстыдно замалчивая о ее разлагающем направлении. Эта страшная гангрена русской жизни производила разрушительную работу в душе грядущих поколений *целые века*, заражая миросозерцание детей гнетущим ядом фальшивой морали капиталистического общества. Литература детская была серьезной критике недоступна по многим причинам. Как мучительно было поприще детской литературы – становится ясным только теперь, в наши ясные красные дни, когда детский вопрос властно встает перед нами во весь свой жутко-прекрасный рост, ибо нет животворнее и гуманнее труда, чем труд социального воспитания и художественного развития юного поколения, смело грядущего в самое горнило жизни.

У нас детство долгое время пичкали приторно-слащавыми сочинениями худосочной классной дамы – Чарской, чья слава и популярность раздувалась буржуазной печатью как кузнечным мехами, и разносилась по России и Европе “поставщиком его величества” книгоиздателем Вольфом… И в это время “мученик любви к детской литературе” Монвиж-Монтвид, издававший идеальнейший детский журнал “Всходы”, старый идейный революционер, давший нам

талантливого настоящего детского писателя Л. Кормчего, обремененный тяжестью возросших долгов по изданию и преследуемый правительственной цензурой, оборвал свою светлую жизнь, приняв яд…» (с. 6).

Соболев М.В. **Новые повести Л. Чарской для детей младшего возраста: Малютка Марго, изд. Вольфа. Пг. 1916 г. 232 стр. с рис. 3 руб. Мадмуазель Муму, в журнале «Задуш. Слово» млад. возр. за 1915 г. Умница-головка, в журн. «Задуш. Слово» младш. возр. за 1916 г. // Педагогический сборник. 1918. № 4–6. С. 395–397.**

«По обязанности постоянной сотрудницы Вольфовского журнала, как выгодная для издателя приманка подписчиков, г. Чарская ежегодно поставляет по одному произведению для каждого отдела журналов, а издатель растягивает их почти на целый год, давая по два-три столбца крупной печати в каждом нумере, делая перерывы в таких местах, чтобы заинтересованный юный читатель с нетерпением ожидал новой книжки, т. е. прилагает к детскому журналу такой же прием, какой издавна практикуется уличными листками, за что подлежит строгому осуждению со стороны педагогов, раз дело касается чтения детей. После этого общего замечания перейду к самым повестям. Хотя они носят три различные названия, тем не менее они есть только три отдельные части повествования о судьбе малолетней француженки с ее 8-ми летнего (sic!) возраста, причем автор переносит действие из Парижа в Россию и из Франции в Петроград, заставляя девочку переживать разные приключения, быть в опасных положениях, из которых она выходит или благодаря своей сообразительности, или помощи добрых людей, всегда своевременно являющихся на помощь. Не стану подробно излагать все выдумки автора, укажу только главнейшие из переживаний Марго: отбившись на заграничном поезде от матери, она находит покровительницу в лице народной учительницы, пока в деревню не залетел авиатор-француз, взявший Марго с собою в Париж; ветер погубил машину и Марго очутилась в Петрограде, где сначала попадает в приют к какому-то странному подбирателю бродячих детей, потом становится цветочницей, откуда французские друзья увозят ее в Париж. На этом кончается первая повесть, во второй Марго мирно живет у своих парижских друзей, пока у нее не было пробуждено сознание в дармоедстве; тогда она бежит в Реймс и поступает компанионкой в русскую семью после того, как автомобиль их едва не раздавил эту девочку; с ними она перебирается в Россию, где оказывает семье услугу в момент нашествия немцев, получает от них заслуженные деньги и награду, на которые снова собирается ехать в Париж. Здесь оканчивается вторая повесть. Марго не нашла в Париже своих друзей и едет па пароходе в Финляндию, где ей обещали место: в бурю пароход наткнулся на камень и погиб, а девочку спасли содержатели театра для изготовления кинематографических фильм и пристроили ее к сцене. Европейская война увлекла Марго; она бежала из кинематографа, удачно встретилась с начальницей сестер милосердия, которая и поместила ее в один из передовых лазаретов, где она зарекомендовала себя с отличной стороны, получила похвалу от командующего и большую денежную награду, на которую решила начать во Франции свое цветочное дело. Возможно, что повесть на этом не окончится и г. Чарская насочиняет новые страницы для своих читателей, о чем нельзя не пожалеть. Мечтательные дети с живой фантазией могут вообразить еще более невероятные приключения, чем перевоз маленькой девочки на аэроплане, разрешающиеся в хорошую или в дурную сторону, смотря по их минутному настроению, но разве такие их мечтания будут поучительными для других детей. Далее, постоянные покровители и благотворители малютки Марго дают неправильное представление о действительной жизни и могут быть приняты на веру только детьми достаточных семей, не знающих о тех лишениях и трудах, какими добываются блага жизни; с этой стороны повествования г. Чарской им не принесут вреда, но будет печально, когда ей поверят дети недостаточных семей и, ленясь, будут ждать благоприятных обстоятельств. Описывая события только с внешней стороны, автор почти ничего не дает для их понимания, задумываться читателю не над чем, а остается только пробегать столбец за столбцом, да просматривать немногочисленные картинки, оригинальные или подобранные. Лучше ничего не читать, чем тратить время на такие кинематографическо-фельетонные произведения.»

1919

[*Автор не указан*.] Из жизни Государственных театров // Бирюч. 1919. № 9. С. 23–24.

«Артистке Александринского театра Лидии Чарской, авторше популярных детских рассказов, предложено Временным Комитетом написать пьесу для детских спектаклей в Михайловском театре. Г-жа Чарская предполагает инсценировать один из своих лучших рассказов.»

[*Автор не указан*]. Наивные вопросы (Гастроли Московского Камерного театра) // Жизнь искусства. 1919. № 113. 6 апр. С. 2.

«Пьесой Л. Столицы “Голубой ковер” закончились гастроли Московского Камерного театра… <…> Если отбросить все поэтические и символические побрякушки очень сомнительного вкуса, то татарская сказка Л. Столицы окажется типичным произведением дамы с темпераментом. Этот род искусства, происходя от Мирры Лохвицкой, коснувшись Тэффи, посколько (sic!) она поэтесса, благополучно докатывается до Лаппо-Данилевской, Чарской, Нагродской и Вербицкой. Было неловко слушать, как г-жа Коонен, изображая Дон-Жуана женского пола, мечтала в роде гоголевской невесты, чтобы в одном мужчине соединялись и “тигровая страсть” и “дымка грезы” и т. п. – вообще, сбор каких-то пошлостей.»

[*Автор не указан*]. По Москве // Известия. 1919. № 192. 31 авг. С. 4.

«Затем, вопреки всем распоряжениям Наркомпроса, почти ни в одной трудовой школе Москвы до сих пор нет правильно функционирующей детской библиотеки, и детей пичкают тем, чем не нужно: рассказами Чарской, Жюль-Верна и т. п. Еще хуже обстоит дело в школах 2-й ступени, так как здесь среди педагогов находится немало самых ярых шовинистов и черносотенцев, которые нередко открыто прививают и поддерживают в своих питомцах самые дикие национальные предрассудки. Так дело обстоит в быв. гимназии Поповой, на Знаменке, в гимназии Касицына, на Балчуге, и др.»

Зеленко В.А. Детские библиотеки / Под ред. Г.Г. Тумима. 2-е изд., пересмотр. и доп. Петроград: Начатки знаний, 1919. 270 с.

Стэн К. Сучки и бревна // Вечерние известия. 1919. № 207. 1 апр. С. 1.

«…Так умствует “Журнал для женщин”… Да, да, – он продолжает издаваться – с Лидиями Чарскими, Принцессами Грезами, с выкройками, со всеми онерами своднической “культуры”.

И это в то время, когда нет бумаги для “Еженедельника Правды”, для “Красной Звезды”, для органа, наконец, Московского Совета!»

1920

Инструкция библиотечной секции Отдела народного образования. О пересмотре каталогов и изъятии негодной литературы[2]. М.: Главполитпросвет, 1920.

1922

П. К. Осиновый кол (Халтура за год) // Театральный бюллетень. 1922. № 11. 1 янв. С. 6–7.

Об одесских театрах. «А детские спектакли Матусиса, сразу в один день в двух театрах, из повестей Чарской и винигрета из пошлости и театральной безграмотности?» (с. 7).

1923

В. К. Эрнест Сетон-Томпсон. – “Джек, король Таллакский”. – Госиздат, 23, 280 стр. // Красный журнал для всех. 1923. № 5–6. С. 93.

«Перед праздниками родители начинают метаться по книжным лавчонкам, покупая для своих ребятишек всяческую заваль и гниль, в духе многочисленных, но весьма пакостных произведений г-жи Чарской. А между тем есть сотни и сотни изумительных детских книг.

К числу таких книг принадлежат и все, без исключения, произведения Сетон-Томпсона…»

Лунц Л. На Запад! Речь на собрании Серапионовых Братьев 2-го декабря 1922 г. // Беседа. Журнал литературы и науки. 1923. Кн. 3. С. 259–275.

«И нет в русской литературе ни одного первоклассного исторического романа (“Война и Мир” – в стороне, подобно “La Chartreuse de Parme” Стендаля). И нет ни одного хорошего романа приключений. И поэтому-то, только поэтому, вместо Дюма мы имеем Брешко-Брешковского, вместо Стивенсона – Первухина, вместо Купера – Чарскую, вместо Конан-Дойля – уличных Нат-Пинкертонов» (с. 264).

[2] ГАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 598.

1924

Аверченко А. Страшная книга // Сегодня. Рига. 1924. № 149. 6 июля. С. 2–3.

О статье «Воспоминания 500 русских детей» из книги «Бюллетень Педагогического Бюро по делам средней и низшей русской школы заграницей». В статье содержатся воспоминания учеников русской гимназии в Моравской Тржебове (Чехословакия) о событиях 1917 г. и гражданской войны, записанные ими по предложению директора гимназии А.П. Петрова.

«Детской бытописательнице Лидии Чарской и во сне бы не приснилось написать так просто и правдиво:

“Я так узнала революцию. В маленький домик бросили бомбу. Я побежала туда. Все осыпалось. В углу лежала женщина. Рядом ее сын с оторванными ногами. Я сразу сообразила, что нужно делать. Послала маленького брата за извозчиком, перевязала раненых, как могла, и увидела рядом большой короб. Открыла. Там была масса маленьких цыплят. Боже, что это за прелесть. Я успела их погладить и всех перецеловать.”

Вот – настоящий ребенок» (с. 2).

Аверченко А. Страшная книга // Сегодня. Рига. 1924. № 150. 8 июля. С. 2.

Продолжение [Аверченко 1924а].

«Лидия Чарская! Теперь вы – бедная. Что вы можете написать для детей, когда они видели в 11 лет – “и расстрелы, и повешение, утопление и даже колесование”, когда девочки пасли лошадей, “хотя это и было очень трудно”…

Новые дети новой России.

И все-таки чистые детские души не погибли, если – около мальчика с оторванными ногами – надо было успеть перецеловать всех цыплят – (“Боже, что это за прелесть!”).

Черный Саша. «Вечерний день» (Н.А. Тэффи. Рассказы. Изд. «Пламя». 1924) // Русская газета. Париж. 1924. 12 дек.

«“Женщина-писательница” – сочетание этих слов не звучало гордо у нас в России. Аполлон был излишне жесток к прекрасному полу, и целая плеяда: Вербицкая – Нагродская – Чарская – Лаппо-Данилевская и пр. – приучили даже среднего читателя ухмыляться при виде женщины, берущейся за перо».

Черный Саша. Передоновщина // Русская газета. Париж. 1924. 6 нояб.

«Помните “мальчика для сечения”, о котором рассказывает Марк Твен в “Принце и нищем”? Нашалит ли принц, плохо приготовит ли уроки, – за все отвечала спина мальчика, специально для этой цели нанятого.

Амплуа этого мальчика в последние перед войной годы занимала «девочка для сечения» – г-жа Вербицкая. Иногда – Нагродская. Иногда – Чарская. Почему-то все дамы. Впрочем, был и мальчик: Брешко-Брешковский. Литературная пробирная палата занималась совершенно бесплодным разоблачением лопуха и негодованием, что лопух розовым маслом не пахнет. На всем остальном (за редким исключением) – табу».

1925

[*Автор не указан*]. Печать – наше оружие // Пионерская правда. 1925. № 9(9). С. 1.

«Строчки, строчки, горячие строчки!.. / В каждой букве корявой – быт! / Ведь недаром же поздней ночкой / Юный Ленинец бойко строчит! / Этим острым пером неумелым / Будет строиться новая жизнь! / А Ник Картеры, Чарские прелые, / На пере у пикора – держись!...»

Горный С. Санкт-Петербург (видения) / Предисл. Ивана Лукаша. Мюнхен: Милавида, [1925]. 54 с.

«…торгуют образами, часами, цепочками, брелоками. Иконы в складнях выставлены в ряд и все это – Николаи Угодники, и Александры Невские, и ветхие Серафимы Саровские. И большие

крупные часы, какие давались в эскадронах “за отличную стрельбу”, и крупные, серебряные цепи, как на жилете старшего дворника Никиты. Я знаю, вы хотите опять пройти мимо Пассажа и темной, скучной вывески “Сибирский Торговой Банк”, и мимо вывески с хрустальными завитками на кончиках букв “Новое Время”, и снова завернуть в Гостиный Двор. Уж не хотите ли постоять у книжной витрины? Вот она, четкая, ясная вывеска на деревянном поле простыми литыми буквами “Маврикия Осиповича Вольфа” и вкусные, тисненые томы “Золотой библиотеки”, и Бичер Стоу, и Даниэль Дефо, и, понятно, Луи Буссенар, с которым мы скользили на узких индейских пирогах. И Макарова, с которой уходили в ссылку вслед за павшим временщиком Меншиковым. И даже – Чарская с Джавахой, которую читали тайком от сестер, чтобы не засмеяли.

Но засмеять нельзя. Ни любви, ни ласки. Ни сегодняшнего вечера, когда мы вместе придем домой…» (с. 26).

Роман Р. Книжные потрошители // Пионер. 1925. № 23. С. 21–22.

«К общему возмущению пробовали примазаться и сомнительные книги.

– Граждане, – заговорила, сильно картавя и жеманничая, какая-то книга Лидии Чарской. – Я возмущена до глубины души. Какие-то кухаркины дети так варварски обращаются с моими институтками, грязные лапы…

– Так тебе и нужно, институтская крыса, – оборвал ее “Костровской колдунок”. – На помойку бы такие книги.

Тут поднялся невероятный гам, так как с Лидией Чарской приключилась истерика» (с. 22).

1926

Аверьянова Л.И. **[О Чарской]. ИРЛИ. Ф. 355. Ед. хр. 3. Л. 3.**

«Е.Я. Данько, а за нею В.П. Калицкая перевели разговор на тему о пособиях членам Союза Писателей. В.П. рассказала, что снова посетила Чарскую – и нашла ее в положении ужасном. У Чарской туберкулез в третьей степени, муж безработный и тоже туберкулезный, средств к существованию никаких. Она все время лежит, оживляется редко, и оживление это нездоровое, нервное.»

В. Т. Читательские запросы детей // Известия. 1926. № 127(2748). 4 июня. С. 5.

Пересказ доклада Н.А. Рубцовой «Интересы современного юного читателя по данным обследования спроса в детских библиотеках Союза», прочитанного 30 мая 1926 г. в Институте библиотековедения.

«Из отдельных книг наиболее ходкими являются Баста: “Приключения без гроша в кармане” и “Веселые рассказы” Буша. Обращаемость их превосходит в 15 раз обращаемость любой книги. Затем следуют: Чуковский, Марк Твен, Жюль Верн, Майн- Рид, Джек Лондон, Купер, Синклер, Бичер-Стоу – “Хижина дяди Тома”.

Из новой литературы большой популярностью пользуются “Ташкент – город хлебный” Неверова и Остроумова “Макар Следопыт”. Первая книга, по утверждению докладчицы, продвинута школою, причина необычайного успеха второй – в героическом элементе книги.

Но пока, – делает вывод докладчица, – старая литература продолжает забивать новую. Красноречивый факт: Центральный дом пионеров вынужден был поставить на полки старую литературу. Особенно сильно увлечение Чарской.»

Григорий Коль. В поисках экзотики (От нашего тифлисского корр-та) // Вечерняя Москва. 1926. № 193(801). 24 авг. С. 2.

«Такого нашествия экскурсантов, Тифлис еще не видал за всю свою долгую жизнь. <…>

И все они рвутся в Тифлис, в Грузию, в поисках “экзотичных кавказцев”, “стройных черкесов” и “кровожадных джигитов”. <…>

Товарищи с севера, не ищите в Тифлисе “экзотики” и “кавказцев” по Чарской, Желиховской и и Кнут Гамсуну. Их нет уже давно, да, кажется, и вообще не было.»

Каплан А. **Скажем свое мнение // Пионерская правда. 1926. № 28(70). С. 3.**

«Мое мнение о Чарской таково. Чарская, во-первых, очень однообразна, во-вторых, то, что она пишет об институтах для “благородных девиц”, приучает наших девочек к жеманству и сентиментальности, а в-третьих, – и это самое главное, – в ее произведениях всегда торжествует “добродетель” в виде сухой наставницы, замаривающей девочек постами.

Приглашаю всех интересующихся этим вопросом написать свое мнение о Чарской, в особенности призываю девочек объяснить, почему они так любят Чарскую.»

Кеслер М. **Недавно в «Пионерской Правде» писалось о Чарской… // Пионерская правда. 1926. № 33(75). С. 4.**

«Недавно в “Пионерской Правде” писалось о Чарской. Это была старая детская писательница. Вот я сравниваю ее с новым детским писателем Л. Гумилевским (роман Л. Гумилевского в это время печатался в “Пионерской правде”. – *М.Г.*) и вижу, какая разница в их произведениях.

В ее произведениях выводились кроткие и смиренные “белые перелинки” (sic!), а у Гумилевского энергичные, свободолюбивые, маленькие люди. Это соответствует нашему духу и это нам интересно.»

Львович Гр. Детские идеалы // Известия. 1926. № 208(2839). 10 сент. С. 5.

«Об одной из миллионов анкет, давшей чрезвычайно интересные результаты, мы здесь хотим рассказать.

Анкета эта была проведена в течение двух последних лет в Саратове местным губоно среди учащихся двух саратовских школ. Состояла она всего из двух вопросов: 1) на кого бы мне более всего хотелось быть похожим из тех людей, кого я видел, о которых слышал или читал, и 2) что бы мне более всего хотелось иметь.

Вот школа-семилетка, в которой обучаются дети служащих и интеллигенции. Здесь заполнили анкеты 172 школьника в возрасте от 8 до 16 лет, из них 54,6 проц. мальчиков и 45,4 проц. девочек.

Чем живут дети служащих и интеллигенции? О чем они мечтают, кого и что считают своим идеалом? Чем им хотелось бы обладать? <…>

У школьников старших возрастов проявляются уже общественные запросы. И тут вырисовывается яркая картина влияния среды на ребенка.

Среди героев, о которых мечтает эта группа школьников, имя Ленина занимает около 20 проц. всех ответов. А дальше идут: ученые Менделеев, Пирогов, писатели и поэты Чернышевский, Пушкин, Гоголь, Тургенев, Ломоносов и Чарская (последняя особенно среди девочек), путешественники Колумб и Пири, художники Рембрандт и Микель Анджело, композиторы Моцарт, Паганини, Чайковский, Глинка. Далее идут герои романов и повестей Марка Твэна, Гектора Мэло (sic!), Дефоэ (Робинзон Крузо), Берроуза (Тарзан) и даже Шерлок Холмс и Нат Пинкертон.

Если исключить 20 проц. ответов, которые занимает имя Ленина, то получится полное отражение “исканий” русского интеллигента. <…>»

Малышев И. **Нужно ли читать Чарскую? // Пионерская правда. 1926. № 31(73). С. 4.**

«Я думаю, что Чарская для чтения советским ребятам совершенно не подходит.

В ее книгах столько фантазии, что иной раз в самых трагических местах – смеешься.

Пишет Чарская из жизни институток, о их злых наставниках и т. п., *а зачем нам это нужно?*

Вообще, Чарская – писательница старая, ненужная; ее, конечно, нельзя сравнить с современным детским писателем Л. Гумилевским.»

Покровская А.К. «Приключения» в современной детской литературе // Новые детские книги. Сб. 4. М.: Работник просвещения, 1926. С. 17–92.

«П. Бляхин – талантливый продолжатель Чарской, лишь контрастный по окраске. Так же негативен и язык его повести по сравнению с языком творений Чарской. Вместо институтского жаргона он употребляет жаргон комсомольский.

В тех местах повести, где нет надобности в таких негативных контрастах, их стиль близко напоминает друг друга.

Вот например: “В эти часы все живое спало особенно крепким сном. Даже хищные ночные птицы редко нарушали таинственный покой природы, беззвучно появляясь и мгновенно исчезая во тьме. Густой туман, словно бесконечные седые космы старой ведьмы, тянулся по сырой земле и по кустарникам, клубком заволакивая лес, скрывая овраги и рытвины и превращая все вокруг в клубящуюся пустыню, полную загадок и ужаса… Наши разведчики отважно шагали в этом ужасном мраке”… Или вот: “Сотни, тысячи пурпурных знамен, словно зарево степных пожаров, заколыхались над красными полками. Миллионы штыков и сабель озарили суровые лица бойцов зловещим блеском. Из края в край загудела земля, зашумели леса и долы”.

Тут уж даже не Чарская, а прямо Бестужев-Марлинский» (с. 44);

«Повесть эта – воплощение их (детей. – *М.Г.*) героических мечтаний, облеченных в образы, соответствующие их эпохе, точно так же как повести Чарской были воплощением мечтаний другого класса и другой эпохи» (с. 49).

Сельвинский И.Л. Наша биография // Сельвинский И.Л. Рекорды. Стихи. М.: Узел, 1926. С. 5–7.

«…Мы не знали отрочества, как у Чарской в книжках, –
маленькие лобики морщили в чело,
и шли по школам в заплатанных штанишках,
хромая от рубцов перештопанных чулок…» (с. 6).

Сологуб Ф.К. **[Статья о Чарской]. Архив Ф.К. Сологуба. РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1 (доп.). Ед. хр. 571. С. 1–6.**

Эрдэ. Еще о детских идеалах // Вечерняя Москва. 1926. № 226(834). 1 окт. С. 2.

«– "*На кого бы мне больше всего хотелось быть похожим из тех людей, кого я видел или о ком слышал, или читал? Почему именно на него*"?

В ответах на этот вопрос школьники Москвы и Подмосковья (Звенигородского, Клинского и Богородского уездов) указывают в качестве своих личных идеалов лиц из окружающей среды – родителей, родственников и знакомых, общественных деятелей, писателей, литературных героев.

Посмотрим, *как отразилась революция на биографических идеалах детей*. Какую оценку дают дети в 1924–25 году тем из своих "героев", которые пользовались наибольшей симпатией в 1912–13 году? <…>

В качестве любимых "героев" дети называют *Ленина, Пушкина, Лермонтова, Троцкого, К. Маркса, Гоголя, Эдиссона, Стефенсона, Тургенева, Наполеона, Рыкова, адмирала Нельсона, Жюль Верна, Калинина* и др. У отдельных групп чувствуется сильное влияние кино: они указывают в качестве идеалов – *Макса Линдера и Веру Холодную*. Из деятелей литературы и искусства нашего времени и прошлого небольшое число голосов собрали – *Моцарт, Шевченко, Репин, Нежданова, Гельцер, Микель Анджело, Чехов А.П., Байрон и… Чарская*.

На первом месте по числу полученных голосов стоит – Ленин. За ним следует *Пушкин*, занимающий неизменно одно из первых мест во всех исследованиях. *В третьем десятке* имен оказался Л. Толстой, собравший наибольшее число голосов у городских школьников в 1913 году. Tempora mutantur! (времена меняются!).

Из *литературных героев*, дети чаще всего называли *Робинзон Крузо*, *Немо* (Жюль Верна), *Нат Пинкертона* и… *Тарзана* – все четверо – герои приключенческих романов.»

Эрдэ. Кем хотят быть дети (Об одной анкете) // Вечерняя Москва. 1926. № 224(832). 29 сент. С. 2.

О книге Н. Рыбникова «Интересы современного школьника» – исследовании идеалов школьников в Москве «и ряде подмосковных уездов»: «…в анкете 1924–25 г. совершенно отсутствует ряд профессий, пользовавшихся популярностью у детей в дореволюционное время. В анкете 1913 г. попадались нередко такие ответы: "хочу быть царем", царицей, священником, монашкой, торговцем и т. д. Современные дети лишь *в виде исключения* (по одному разу из 1.354 ответов) выражают склонность стать лавочницей, княжной Джавахой, княгиней, барышней, богачом, царем и попом (ребенок так и пишет – "попом"). Но это ответы, как всякие исключения, *только подтверждают* правило, еще более подчеркивают истинный облик современного школьника, испытавшего на себе благотворное влияние революции.»

Сведения об авторе:

Мария Михайловна Громова,
мл. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Mariya M. Gromova,
Junior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
marija.gromova@list.ru